

А. А.  
БЕСТУЖЕВ-  
МАРЛИНСКИЙ

*Сочинения*



# Александр Александрович Бестужев- Марлинский Испытание

*Текст предоставлен правообладателем  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=647205](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=647205)  
Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Повести;: Худож. лит.; М.; 1981*

## Аннотация

«Невдалеке от Киева, в день зимнего Николы, многие офицеры \*ского гусарского полка праздновали на именинах у одного из любимых эскадронных командиров своих, князя Николая Петровича Гремина. Шумный обед уже кончился, но шампанское не уставало литься и питься. Однако же, как ни веселы были гости, как ни искрення их беседа, разговор начинал томиться, и смех, эта Клеопатрина жемчужина, растаял в бокалах...»

# Содержание

I	4
II	18
III	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

# Александр Александрович Бестужев-Марлинский Испытание<sup>1</sup>

*Посвящается Ардалиону Михайловичу Андрееву*

## I

*...В благовонном дыме трубок,  
Как звезда, несется кубок,  
Влажной искрою горя  
Жемчуга и янтаря;  
В нем, играя и светлея,  
Дышит пламень Прометей,  
Как бессмертная заря!*

Невдалеке от Киева, в день зимнего Николы, многие офицеры \*ского гусарского полка праздновали на именинах у одного из любимых эскадронных командиров своих, князя Николая Петровича Гремина. Шумный обед уже кончился, но шампанское не уставало литься и питься. Однако же, как ни веселы были гости, как ни искрення их беседа, разговор начинал томиться, и смех, эта Клеопатрина<sup>2</sup> жемчужина, рас-

---

<sup>2</sup> Клеопатра (69—30 гг. до н. э.) – царица Египта, прославившаяся красотой

таял в бокалах<sup>3</sup>. Запас уездных новостей истощился; лестные мечты о будущих вакансиях к производству, любопытные споры о построениях, похвальба конями и даже всевозможные тосты, в изобретении коих воображение гусара, конечно, может спорить с любым калейдоскопом, – все наскучило своей чередой. Острижки досадовали, что их не слушают, а весельчаки, что их не смешат. Язык, на который, право не знаю почему, скорее всего действует закон тяготения, заметно упорствовал подниматься к небу; восклицания и вздохи и табачные пuffs становились реже и реже, по мере того как величественные зевки, подобно электрической искре, перелетали с уст на уста...

Я мог бы при сей верной оказии, подражая милым писателям русских новостей, описать все подробности офицерской квартиры до синего пороха, как будто к сдаче аренды; но зная, что такие микроскопические красоты не по всем глазам, я разрешаю моих читателей от волнования табачного дыма, от бряканья стаканов и шпор, от гомеровского описания дверей<sup>4</sup>, истрелянных пушечными пулями, и стен,

---

и умом.

<sup>3</sup> ...и смех, эта Клеопатрина жемчужина, растаял в бокалах. – Согласно преданию, Клеопатра поспорила с римским императором Антонием, что она за скромной трапезой может потратить 10 тысяч систерций; она велела подать чашу с уксусом, опустила туда жемчужину из своей серьги, которая тут же растворилась, и затем выпила этот уксус (см.: Плиний-Старший. Естественная история, кн. IX, гл. 58).

<sup>4</sup> ...гомеровского описания дверей... – Имеется в виду описание двери опочивальни Телемаха в «Одиссее» Гомера.

исчерченных заветными стихами и вензелями, от висящих на стене мундштуков и ташки, от нагорелых свеч и длинной тени усов. Когда же я говорю про усы, то понимаю под этим обыкновенные человеческие, а не китовые усы, о которых, если вам угодно знать пообстоятельнее, вы можете прочесть славного китолова Скорезби<sup>5</sup>. Впрочем, да не помыслят поклонники усов, будто я бросаю их из неуважения; сохрани меня Аввакум!<sup>6</sup> Я сам считаю усы благороднейшим украшением всех теплокровных и хладнокровных животных, начиная от трехбунчужного паши<sup>7</sup> до осетра.

Но вспомните, что мы оставили гостей не простясь, а это не слишком учтиво. Без нас уже половина из них, не подстрекаемая великим двигателем сердец – банком, склонила головы свои на край стола, между тем как остальные, более крепкие или более воздержные, спорили еще сидя: что красивее, троерядный или пятирядный ментик? Вдруг звон колокольчика и топот злой тройки заглушил их прения. Сани шаркнули под окном, и майор Стрелинский уже стоял перед ними.

---

<sup>5</sup> ...славный китолов Скорезби... – Вильям Скорезби (1789—1857) – английский мореплаватель. Свои наблюдения о северных морях изложил в сочинении: «Account of the arctic regions» (Лондон, 1820).

<sup>6</sup> ...сохрани меня Аввакум! – Имеется в виду или Аввакум Петрович (1620—1682) – протопоп, поборник русского старообрядчества, или один из библейских пророков.

<sup>7</sup> ...трехбунчужный паша... – Паша – высший титул сановников Турции. Знаком их достоинства был бунчук (пучок конских волос).

– Здравствуй, здравствуй! – летело к нему со всех сторон.

– Прощайте, друзья мои! – отвечал он. – Отпуск у меня в кармане, кони у крыльца, и ретивое на берегах невских; я заехал сюда на минуту; поздравить милого именинника и выпить прощальную чашу. Сто лет счастья! – воскликнул он, обращаясь к князю, с бокалом шампанского, и дружески сжимая его руку. – Сто лет!

– Милости просим на погребенье, – отвечал, усмехаясь, Гремин, – и я уверен, что ты заключишь старинную дружбу нашу похвальным словом над моею могилою!

– Похвальным словом? Нет! это слишком обыкновенно. Да и зачем хвалить того, кого не за что бранить? Впрочем, как ни упорен язык мой на панегирики, твое желание одушевляет меня казарменным красноречием. Не хочу, однако ж, проникать в будущее – нет, я произнесу только надгробное слово этим живым и чуть живым покойникам, за столом и под столом уснувшим. Начинаю с тебя, милый корнет Повистов! Ибо в царстве мертвых и последние могут быть первыми. Да покоится твое романтическое воображение, которое, будучи орошено ромом, пылало как плум-пудинг!<sup>8</sup> Тебе недоставало только рифм, чтобы сделаться поэтом, которого бы никто не понял, и грамматики, чтоб быть прозаиком, которого бы никто не читал. Сам Зевес ниспослал на тебя сон в отраду ушей всех ближних!.. Мир и тебе, храбрый ротмистр Ольстредин: ты никогда не опаздывал на звон сабель и ста-

---

<sup>8</sup> Плум-пудинг (англ.) – сливовый пудинг.

канов. Ты, который так затягиваешься, что не можешь сесть, и, натянувшись, не в силах встать! Да покоится же твое туловище, покуда звук трубы не призовет тебя к страшному расчету: «справа по три и по три направо кругом!» Мир и твоим усам, наш доморощенный Жомини<sup>9</sup>, у которого армии летали, как журавли, и крепости лопали, как бутылки с кислыми щами! Системы не спасли твою операционную линию... ты пал, ты страшно пал, как Люцифер<sup>10</sup> или Наполеон, с верного конца в преисподнюю подстоля!.. Долгий покой и тебе, кларнетист бемольной памяти Бренчинский, который даже собаку свою выучил лаять по нотам. Бывало, ты одним духом отдувал любой акт из «Фрейшица»<sup>11</sup>; а теперь одна аппликатура V.C.P. со звездочкой<sup>12</sup> низвергла тебя, как прорванную волынку. И тебе, лорд Байрон мазурки Стрепетов, круживший головы дам неутомимостью ног своих в вальсе, так что ни одна не покидала тебя без сердечного биения – от усталости; ты вечно был в разладе с музыкою, – зато вечно доволен сам собою. Мир сердцу твоему, честолобец Пятачков! хотя ты и во сне хочешь перехрапеть своих товарищей, и те-

---

<sup>9</sup> Жомини Антуан Анри (Генрих Вениаминович; 1779—1869) – военный писатель и теоретик. Родился в Швейцарии, служил в швейцарской, французской армиях. В русской армии служил с 1813 г.. был генералом от инфантерии (1826).

<sup>10</sup> Люцифер (лат.) – в христианской мифологии сатана, дьявол.

<sup>11</sup> «Фрейшиц» (нем. Freischütz) – «Волшебный стрелок», опера немецкого композитора К. Вебера (1786—1826), впервые поставленная в 1821 г.

<sup>12</sup> ...аппликатура V. C. P. со звездочкой... – сорт шампанского вина; аппликатура – металлическая накладка на горлышке бутылки.

бе, друг Сусликов! Что глядишь на меня, будто собираешься рассуждать? И, наконец, все вы, о которых так же трудно что-нибудь сказать, как вам что-нибудь выдумать, покойтесь на лаврах своих до радостного утра, – да будет крепок ваш сон и легко пробуждение!

– Аминь! – сказал Гремин, смеючись. – Тебе, однако ж, пришлось бы, в награду за речь эту, променять не одну пару пуль или иззубрить не одну саблю, если б господа могли все слышать.

– Тогда я не счел бы их мертвецами и не сказывал бы надгробной проповеди. Впрочем, с теми, кто не принимает шутку за шутку, я готов расплатиться и свинцового монетою.

– Полно, полно, любезный мой Дон-Кишот; мы между Друзьями. Не спеши прощаться: мне нужно дать тебе поручения в Петербург, немного поважнее покупки ветишкетов и помады. Через четверть часа колокольчик будет уже звенеть в ушах твоих вместо голоса друга. Они вышли в другую комнату.

– Послушай, Валериан! – сказал ему Гремин. – Ты, я думаю, помнишь ту черноглазую даму, с золотыми колосьями на голове, которая свела с ума всю молодежь на бале у французского посланника, три года тому назад, когда мы оба служили еще в гвардии?

– Я скорее забуду, с которой стороны садиться на лошадь, – вспыхнув, отвечал Стрелинский, – она целые две ночи снилась мне, и я в честь ее проиграл кучу денег на тре-

фовой даме, которая сроду мне не рутировала<sup>13</sup>. Однако ж страсть моя, как прилично благородному гусару, выкипела в неделю, и с тех пор... но далее: ты был влюблен в нее?

– Был и есмь. Подвиги мои наяву простирались далее твоих сновидений. Мне отвечали взаимностью, меня ввели в дом ее мужа...

– Так она замужем?

– По несчастью, да. Расчетливость родных приковала ее к живому трупу, к ветхому надгробию человеческого и графского достоинства. Надо было покориться судьбе и питаться искрами взглядов и дымом надежды. По между тем как мы вздыхали, семидесятилетний супруг кашлял да кашлял, – и, наконец, врачи присоветовали ему ехать за границу, надеясь, вероятно, минеральными водами выцедить из его кошелька побольше золота.

– Да здравствуют воды! Я готов почти помириться за это с водой, хотя календарский знак Водолея<sup>14</sup> на столе вечно кидает меня в лихорадку. Поздравляю, поздравляю, mon cher Nicolas;<sup>15</sup> разумеется, дела твои пошли как нельзя лучше!..

– Вложи в ножны свои поздравления. Старик взял ее с собою.

– С собой? Ах он чудо-юдо! Таскать по кислым ключам

---

<sup>13</sup> Рутировать – ставить на одну и ту же карту.

<sup>14</sup> Знак Водолея – одно из зодиакальных созвездий, в которое солнце вступает в январе.

<sup>15</sup> Дорогой Николай (фр.)

молодую жену, чтобы золотить ему пилюли, вместо того чтобы, оставя ее в столице, украсить свое родословное дерево золотыми яблоками. Это умертвительное неуменье жить в свете!

– Скажи лучше, упрямство умереть кстати. Он воображал, постепенно разрушаясь, что обновит себя переменою мест. При разлуке мы были неутешны и поменялись, как водится, кольцами и обетами неизменной верности. С первой станции она писала ко мне дважды; с третьего ночлега еще одно письмо; с границы поручила одному встречному знакомцу мне кланяться, и с тех пор ни от ней, ни об ней никакого известия; словно в воду канула!

– Ужели ж ты не писал к ней? Любовь без глупостей на письме и на деле – все равно что развод без музыки. Бумага все терпит.

– Да я-то не терплю бумаги. Притом, куда бы мне адресовать свои брандскугельные послания? Ветер – плохой проводник для нежности, а животный магнетизм не открыл мне места ее процветания. Потом иные заботы по службе и своим делам не давали мне досугу заняться сердцем. Признаюсь тебе, я уж стал было позабывать мою прекрасную Алину. Время залечивает даже ядовитые раны ненависти; мудрено ли ж ему выдымить фосфорное пламя любви? Но вчерашняя почта освежила вдруг мою страсть и надежды. Репетилов, в числе столичных новостей, пишет мне, что Алина возвратилась из-за границы в Петербург – мила, как сердце,

и умна, как свет; что она сверкает звездой на модном горизонте, что уже дамы, несмотря на соперничество, переняли у ней какой-то чудесный манер ридикюля, а мужчины выучились пришепетывать страх как приятно; одним словом, что, начиная от нижнего этажа модных магазинов до ветреного чердака стихокропателей, они привела у них в движение все иглы, языки и перья.

– Тем хуже для тебя, любезный Николай! Память прежней привязанности никогда не бывала в числе карманных добродетелей у баловниц большого света.

– В этом-то все и дело, любезнейший! Отлучка полкового командира привязала меня к службе; а между тем как я здесь сижу сиднем, она, может, изменяет мне. Сомнение для меня тяжеле самой неблагоприятной известности, хуже висьельной отсрочки. Послушай, Валериан! я тебя знаю давно и люблю так же давно, как знаю. Коротко и просто: испытай верность Алины. Ты молод и богат, ты мил и ловок, – одним словом, никто лучше тебя не умеет проиграть деньги по расчету и выиграть сердце безумною пылкостью. Дай слово – и с богом.

– Возьми назад свое и убирайся к черту! Подумал ли ты, что этим неуместным любопытством ты ставишь силочку другу и подруге, с опасностью потерять обоих? Ты знаешь, для меня довольно аршина лент и пары золотых серег, чтоб влюбиться по уши, и поручаешь исследовать прекрасную женщину, как будто б она была соляной обломок Лотовой же-

ны<sup>16</sup>, а я профессор Стокгольмского университета!

– По этому-то самому, милый Валериан, я больше полагаюсь на твою возгораемость и стораемость, чем на хладнокровие другого. Три дня ты будешь от ней без ума, а через три дня или она станет от тебя без памяти, или своей верностию приведет тебя самого в память. В первом случае я раскланяюсь с своими надеждами – не без сожаления, но без гнева. Ведь не один я бывал в сладком заблуждении, не один останусь и в любезных дураках. Но в другом – тем сладостнее, тем вернее будет обладание любимым сердцем. Мила неопытная любовь, Валериан, но любовь испытанная – бесценна!

– Видно, нет на свете такой глупости, которую умные люди не освятили своим примером. Любовь есть дар, а не долг, и тот, кто испытывает ее, ее не стоит. Ради бога, Николай, не делай дружбы моей оселком!

– Я именем дружбы нашей прошу тебя исполнить эту просьбу. Если Алина предпочтет тебя, очень рад за тебя, а за себя вдвое; но если ж она непоколебимо ко мне привязана, я уверен, что ты, и полюбив ее, не разлюбишь друга.

– Можешь ли ты в этом сомневаться? Но подумай...

– Все обдуманно и передумано; я неотменно хочу этого, а ты, несомненно, это можешь. В подобных делах друг твой –

---

<sup>16</sup> ...соляной обломок Лотовой жены... – По библейскому преданию, жена патриарха Лота, покидающая обреченный на гибель Содом, вопреки запрещению бога, обернулась и взглянула на пылающий город, за что была обращена в соляной столб.

настоящий новгородец: прям и упрям. Да или нет, Стрелинский?

– Да! Слово это очень коротко, но мне так же трудно было выпустить его из сердца, как последний рубль из кармана в полудороге. Впрочем, я утешаю себя тем, что ты и я, как очень легко статься может, опоздали и найдем одуванчик вместо цветка. Тут еще есть бездельное обстоятельство; уверен ли ты, что супруг ее убрался в Елисейские?<sup>17</sup>

– Ничего не знаю. Репетиллов ни полслова об этом. Однако ж, хотя бы жизнь его была застрахована самим Арендтом<sup>18</sup>, природа должна взять свое, и последний песок его часов не замедлит высыпаться!

– Bravo, bravo, мой Альнаскар! Это несравненно, это неподражаемо! Мы запродали шубу, не спросясь медведя. Опыт наш начинает привлекать меня, – за него надо взяться из одной чудесности. Я твой.

– Постой, постой, ветреник! Ты еще не спросил у меня фамилии нашей героини. Графиня Алина Александровна Звездич. Помни же!

– А если забуду, то, наверно, по рассказам твоим, могу о ней осведомиться в первом журнале или в первой модной лавке. Что еще?

---

<sup>17</sup> ...убрался в Елисейские... – В греческой мифологии Елисейские поля, или Элизиум, – часть загробного мира, где пребывают праведники. Здесь: умереть.

<sup>18</sup> Арендт Николай Федорович (1785—1859) – хирург, лейб-медик. Альнаскар (Альнаскар) – отставной мичман, персонаж из комедии Н. И. Хмельницкого «Воздушные замки» (1818).

– Ничего, кроме моего почтения твоей тетушке и сестрице. Она, говорят, вышла из монастыря?

– И мила как ангел, пишут мне родственники. Друзья расстались.

Между тем гостей развели и развезли. Все утихло, и тем грустнее стало Гремину одиночество после шумного праздника. Платон<sup>19</sup> уверял, что человек есть двуногое животное без перьев; другие физиологи отличали его тем, что он может пить и любить когда вздумается; но ощипанный петух мог ли бы стать человеком или человек в перьях перестал ли бы быть им? Конечно, нет. Получил ли бы медведь патент на человеческое достоинство за то, что любит напиваться во всякое время? Конечно, нет. В наш дымный век я определил бы человека гораздо отличительнее, сказав, что он есть «животное курящее, animal fumens». И в самом деле, кто ныне не курит? Где не процветает табачная торговля, начиная от мыса Доброй Надежды до залива Отчаяния, от Китайской стены до Нового моста в Париже и от моего до Чукотского носа? Пустьась в определения, я не остановлюсь на одном: у меня страсть к философии, как у Санхо Пансы к пословицам. «Мыслю – следственно, существую», – сказал Декарт<sup>20</sup>. «Курю – следственно, думаю», – говорю я. Гремин курил и думал. Мысли его невольно кружились над камнем преткно-

---

<sup>19</sup> Платон (427—347 гг. до н. э.) – древнегреческий философ.

<sup>20</sup> Декарт Рене (1596—1650) – выдающийся французский философ, физик, математик и физиолог.

вения для рода человеческого – над супружеством. Есть возраст, в который какая-то усталость овладевает душой. Волокитства наскучивают, кочевая, бездомовная жизнь становится тяжка, пустые знакомства – несносны; взор ищет отдохновения, а сердце – подруги, и как сладостно оно бьется, когда мечтает, что ее нашло!.. Воображение рисует новые картины семейственного счастья; тени скрадены, шероховатости скрыты – *c'est un bonheur a perte de vue!*<sup>21</sup> Мечты – это животное-растение, взбегающее в сердце и цветущее в голове, – летали вместе с дымом около Гремина и, как он, вились, разнообразились и исчезали! За ними и холодное сомнение, за ними и желчная ревность проникли в душу. «Доверить испытание двадцатилетней светской женщины пылкому другу, – думал он, нахмурясь, – есть великая неосторожность, самая странная самонадеянность, высочайшее безумие!»

– Какой я глупец! – вскричал он, вскочив с кушетки, так громко, что легавая собака его залаяла, спросонков. – Эй, пошлите ко мне писаря Васильева!

Писарь Васильев явился.

– Приготовь просьбу в отпуск.

– Слушаю, ваше высокоблагородие, – отвечал писарь и уже отставил было ногу, чтоб повернуться налево кругом, когда весьма естественный вопрос для кого? перевернул его обратно.

– На чье имя прикажете писать, ваше высокоблагородие?

---

<sup>21</sup> Это счастье необозримое! (фр.)

– Разумеется, на мое! Что ж ты вытаращил глаза, как мерзлая щука! Напиши в просьбе самые уважительные пункты: раздел наследства или смерть какого-нибудь родственника, хоть свадьбу, хоть еще что-нибудь глупее этого... Мне непременно надо быть в Петербурге. Командование полком можно сдать старшему по мне. Скажи ординарцу, чтоб был готов везти пакеты в штаб-квартиру, а сам чуть свет принеси их ко мне для подписки. Ступай.

Кто разгадает сердце человеческое? Кто изучит его воздушные перемены? Гремин, тот самый Гремин, который за час перед этим был бы огорчен как нельзя более отказом Стрелинского на чудный вызов свой, теперь едва не в отчаянии от того, что друг согласился на его просьбу. Придавая возможность и существенность воздушным своим замкам, он как будто забыл, что есть на свете другие люди, кроме их троих, и что судьба очень мало заботится, согласны ли ее приговоры с нашими замыслами,

«Стрелинский проведет недели две в Москве, – думал он, – и я скорее его прикачу в Петербург. Статься может, я уж встречу его счастливецом, и свадебный билет разрешит друга от излишней обязанности... Как мила, как богата графиня!!» В этих утешительных мыслях заснул наш подполковник, и зимнее солнце осветило ординарца его уже на полдороге. к бригадному командиру с просьбою об увольнении в отпуск.

## II

*If I have any fault, it is digression!*<sup>2223</sup>

*Byron*

Святки больше всех других праздников сохранили на себе печать старины, даже и в Финской Пальмире<sup>24</sup> нашей, в Петербурге. Один из друзей наших въезжал в него сквозь Московскую заставу в самый рождественский сочельник, и когда ему представилась пестрая, живая панорама столичной деятельности, в его памяти обновились все радостные и забавные воспоминания детства. Между тем как дымящаяся тройка шагом пробиралась между тысячами возов и пешеходов, а ухарский извозчик, заломив шапку набекрень, стоя возглашал: «Пади, пади!» на обе стороны, он с улыбкою перебирал все степени различных возрастов, сословий и образованности, по мере того как они развивались перед его глазами. Вещественные образы пробуждали в душе его давно забытые обычаи, давно простывшие знакомства и множество приключений буйной своей молодости в разных кругах об-

---

<sup>22</sup> Эпиграф взят из поэмы Байрона «Дон Жуан» (1824).

<sup>23</sup> Если я в чем-нибудь виноват, то только в отступлениях. Байрон (англ.)

<sup>24</sup> Финская Пальмира (Северная Пальмира) – то есть Петербург. Пальмира – древний город в Сирии, славившийся пышностью и богатством (I тысячелетие до н. э.).

щества.

В самом деле, какое разнообразие забот в различных этажах домов, в отдельных частях города, во всех классах народа! Сенная площадь, думал Стрелинский, проезжая через нее, в этот день наиболее достойна внимания наблюдательной кисти Гогарта<sup>25</sup>, заключая в себе все съестные припасы, долженствующие исчезнуть завтра, и на камчатных скатертях вельможи и на обнаженном столе простолюдика и покупателей их. Воздух, земля и вода сносят сюда несчетные жертвы праздничной плотоядности человека. Огромные замороженные стерляди, белуги и осетры, растянувшись на розвальнях, кажется, зевают от скуки в чуждой им стихии и в непривычном обществе. Ощипанные гуси, забыв капитольскую гордость,<sup>26</sup> словно выглядывают из возов, ожидая покупателя, чтобы у него погреться на вертеле. Рябчики и тетерева с зеленеющими елками в носиках тысячами слетелись из олонецких и новгородских лесов, чтобы отведать столичного гостеприимства, и уже указательный перст гастронома назначает им почетное место на столе своем. Целые племена свиней всех поколений, на всех четырех ногах и с загнутыми хвостиками, впервые послушные дисциплине, стройны-

---

<sup>25</sup> Гогарт Вильям (1697—1764) – английский живописец и гравер, изображавший бытовые и уличные сцены.

<sup>26</sup> ...гуси, забыв капитолийскую гордость... – Гуси у древних римлян считались священными птицами и находились в Капитолии, так как, по преданию, они спасли Рим, предупредив своим гоготанием спавших жителей о приближении врагов.

ми рядами ждут ключниц и дворецких, чтобы у них, на запятках, совершить смиренный визит на поварню, и, кажется, с гордостью любуясь своею белизною, говорят нам: «Я разительный пример усовершенности природы; быв до смерти упреком неопрятности, становлюсь теперь эмблемою вкуса и чистоты, заслуживаю лавры на свои окороки, сохраняю платье вашим модникам и зубы вашим красавицам!»

Угол, где продают живность, сильнее манит взоры объедал, но это на счет ушей всех прохожих. Здесь простосердечный баран – эта четвероногая идиллия – выражает жалобным бляньем тоску по родине. Там визжит угнетенная невинность, или поросенок в мешке. Далее эгоисты телята, помня только пословицу, что своя кожа к телу ближе, не внемлют голосу общей пользы и мычат, оплакивая скорую разлуку с пестрою своею одеждою, которая: достанется или на солдатские ранцы, или, что еще горче, на переплеты глупых книг. Вблизи беспечные курицы разных наций, и хохлатые цесарки, и пегие турчаночки, и раскормленные землячки наши, точь-в-точь словоохотные кумушки, кудахтают, не предвидя беды над головою, критикуют свет, который видят они сквозь щелочки своей корзины, и, кажется, подтрунивают над соседом, индейским петухом, который, поджимая лапки от холоду, громко ропщет на хозяина, что он вывез его в публику без теплых сапогов.

Словом, какое обширное поле для благонамеренного писателя басен! сколько предметов для самой басни, где поро-

сенок нередко учит нравственности, курица – домоводству, лисица – политике или какой-нибудь крот читает диссертацию о добре и зле не хуже доктора философии! Да и одному ли писателю апологов<sup>27</sup> легко подбирать здесь перья? Проницательный взор какого-нибудь пустынного Галерной гавани, или Коломны, или Прядильной улицы<sup>28</sup> мог бы собрать здесь сотни портретов для замысловатых статей под заглавием «Нравы» как нельзя лучше. Он бы сейчас угадал в толпе покупателя и приказного с собольим воротником, покупателя на взяточный рубль гусиные потроха, и безместного бедняка, в шинели, подбитой воздухом и надеждой, когда он, со вздохом лаская правой рукою утку, сжимает в кармане левою последнюю пятирублевую ассигнацию, словно боясь, чтоб она не выпорхнула как воробей; и дворецкого знатного барина, торгующего небрежно целый воз дичины; и содержателя стола какого-то казенного заведения, который ведет безграмотных продавцов в лавочку, расписываться в его книгу в двойной цене за припасы; и артиста французской кухни, раздувающего перья каплуна с важным видом зна-

---

<sup>27</sup> ...писателю апологов... – Аполлог – аллегорический рассказ, басня. Возможно, имеется в виду И. И. Дмитриев (1760—1837), писавший апологи.

<sup>28</sup> ...пустынного Галерной гавани, или Коломны, или Прядильной улицы... – Подразумеваются популярные в журнальной литературе 20 – 30-х гг. псевдонимы критиков; напр.. «Житель Галерной гавани» – псевдоним О. М. Сомова; под псевдонимом «Лужицкий старец» выступали М. Т. Каченовский, М. П. Погодин и П. Л. Яковлев (см.: В.Г. Белинский. Поли. собр. соч.. т. VIII. М. Изд-во АН СССР, 1955, с. 690).

тока; и русского набожного повара, который с умиленным сердцем, но с красным носом поглядывает на небо, ожидая звезды для обеда; и расчетливую немку в китайчатом капоте, которая ластится к четверти телятины; и повариху-чухонку, покупающую картофель у земляков своих; и, наконец, подле толстого купца, уговаривающего простяка крестьянина «знать совесть», сухощавую жительницу иного мира – Петербургской стороны, которая заложила свои янтари, чтоб купить цикорию, сахарцу и кофейку и волошских орехов, выглядывающих из узелка в небольших свертках.

Площадь кипит. Слитный говор слышится издалека, сквозь который только порой можно отличить слова: «Барин! барин! ко мне! У меня лучше, у меня дешевле, для почину, для вас!» и тому подобное. В улицах толкотня, на тротуарах возня по разбитому в песок снегу; сани снуют взад и вперед, – это праздник смурых извозчиков, так характеристически названных «Ваньками», на которых везут, тащат и волокут тогда все съестное. Все трубы дымятся и окрашивают мраком туманы, висящие над Петрополем. Отовсюду на вас пылят и брызжут. Парикмахерские ученики бегают как угорелые со щипцами и ножницами. На голоса разносчиков являются и исчезают в форточках головы немочек в папильотках. Ремесленники спешат дошивать заказное, между тем как их мастера сводят счета, из коих едва ли двадцатый будет уплачен. Купцы в лавочках и в гостинном дворе брякают счетами, выкладывая годовые барыши. Невский

проспект словно горит. Кареты и сани мчатся наперегонку, встречаются, путаются, ломают, давят. Гвардейские офицеры скачут покупать новомодные эполеты, шляпы, аксельбанты, примеривать мундиры и заказывать к Новому году визитные карточки – эти печатные свидетельства, что посетитель радехонек, не застав вас дома. Фрачные, которых военная каста называет обыкновенно «рябчиками», покупают галстуки, модные кольца, часовые цепочки и духи, любят свои ножки в чулках а *jour*<sup>29</sup> и повторяют прыжки французских кадрилей. У дам свои заботы, и заботы важнейшие, которым, кажется, посвящено бытие их. Портные, швеи, золотошвейки, модные лавки, английские магазины – все заняты, ко всем надобно заехать. Там шьется платье для бала; там вышивается золотом другое для представления ко двору; там заказана прелестная гирлянда с цветами из «Потерянного рая»<sup>30</sup>; там, говорят, привезли новые перчатки с застежками; там надо купить модные серьги или браслеты, переделать фермуар или диадему, выбрать к лицу парижских лент и перепробовать все восточные духи.

У немцев, составляющих едва ли не треть петербургского населения, канун рождества есть детский праздник. На столе, в углу залы, возвышается деревцо, покрытое покрывалом

---

<sup>29</sup> Ажурные (фр.)

<sup>30</sup> ...гирлянда с цветами из «Потерянного рая»... – по-видимому, одна из причуд моды того времени, взятая с богатого орнаментом красочного описания эдема с его цветами, кущами, виноградными гроздьями, лаврами, миртами в издании поэмы Джона Мильтона (1608—1674) «Потерянный рай» (1667).

Изиды<sup>31</sup>. Дети с любопытством заглядывают туда, и уже сердце их приучается биться надеждой и опасением. Наконец наступает вожделенный час вечера. Все семейство собирается вместе. Глава оногo торжественно срывает покрывало, и глазам восхищенных детей предстает Weihnachtsbaum<sup>32</sup> в полном величии, увенчано лентами, увешано игрушками, красивыми безделками и нравоучительными билетиками для резвых и ленивых, – каждая вещь о надписью кому, и каждому по заслугам. Этот Pour le merite<sup>33</sup> радует больше и невиннее, чем все награды честолюбия в позднейших возрастах. Вечно люди осуждены гоняться за игрушками; одно детство счастливо ими без раскаяния.

Наконец день рождества Христова светает в тумане, и вы волею и неволею пробуждены крикливым пением школьников, которые, как волхвы, путешествуют с огромною звездю из картона, с разноцветною фольгою, прорезью, подвесками и свечами. Колокола звонят, и после обедни священники со всем причетом объезжают приход для христославства. Обед сего дня есть семейное собрание, и горе тому племяннику, который осмелится не приехать поцеловать ручку у тетушки и отведать гуся на ее столе. Со второго дня начинаются настоящие святки, то есть колядованья, гаданья, литье воску и олова в воду – где красавицы мнят видеть или ве-

---

<sup>31</sup> Изиды – египетская богиня. «Покрывало Изиды» олицетворяет тайну.

<sup>32</sup> Рождественская елка (нем.)

<sup>33</sup> За заслуги (фр.) (прусская орден)

нец, или гроб, то сани, то цветы с серебряными листьями, – наконец подблюдные песни, беганье за ворота и все старинные обряды язычества. Но увы! – подблюдные песни остались у одних только купцов, расспросы прохожих об имени и слушанье под окнами – у одних мещан. Средний круг дворянства в столице оставил у себя только факты – заведение не вовсе русское, но весьма приятное; но хорошее, лучшее общество ограничилось одними балами, как будто человек создан только для башмаков. Оно отказалось даже от *jeux d'esprit*<sup>34</sup>, – быть веселым и умным кажется нам слишком обыкновенно, слишком простонародно!

«Помилуйте, господин сочинитель! – слышу я восклицания многих моих читателей. – Вы написали целую главу о Сытном рынке, которая скорее возбудить может аппетит к еде, чем любопытство к чтению».

«В обоих случаях вы не в проигрыше, милостивые государи!»

«Но скажите по крайней мере, кто из двух наших гусарских друзей, Гремин или Стрелинский, приехал в столицу?»

«Это вы не иначе узнаете, как прочитав две или три главы, милостивые государи».

«Признаюсь, странный способ заставить читать себя».

«У каждого барона своя фантазия, у каждого писателя свой рассказ. Впрочем, если вас так мучит любопытство, пошлите кого-нибудь в комендантскую канцелярию заглянуть

---

<sup>34</sup> Остроумие (фр.)

в список приезжающих».

### III

*Вы клятву дали? Эта клятва —  
Лишь перелетным ветрам жатва.*

В числе самых блистательных балов того года был данный князем О\*\*\* три дня после рождества. Кареты, сверкая гранеными фонарями как метеоры, влекомые четверками, неслись к освещенному подъезду, на котором несчастный швейцар, в павлином своем уборе, попрыгивал с ноги на ногу от русского мороза. Дамы, выпархивали из карет и, сбросив перед зеркалом аванзалы черные обертки свои, являлись подобны майским бабочкам, блистаючи цветами радуги и блесками злата. Скользя, будто воздушные явления, по зеркальному паркету, вслед за разряженными своими матушками и тетушками, как мило отвечали девицы легким склонением головы на вежливые поклоны знакомых кавалеров и улыбкою — на значительные взоры своих приятельниц, между тем как на них наведены все лорнеты, все уста заняты их анализом, но, может быть, ни одно сердце не бьется истинною к ним привязанностию.

Все действия и явления, на которые обыкновенно делится классический бал высшего общества, приходили и проходили своей чередою. Строгие взоры матушек, выученная любезность дочерей, самоуверенное пустословие щеголей во

фраках и в мундирах; теснота в зале танцев – и не от танцующих, но от зрителей, – безмолвие в комнате Шахматов, ропот за столами виста и экарте, за коими прошедшее столетие в лицах проигрывало важность свою, а нынешнее – свою веселость; ловля выгодных женихов и невест везде – вот что занимало три четверти общества, между тем как остальные были жертвою тайной зевоты, «не утолимой никаким сном», как говорит Байрон. Забавнее всего было созерцать и следить охотников за браками (marriage-hunters) обоих полов. Рассеянно, небрежно, будто из милости подавая руку молодому офицеру, княжна NN прогуливалась в польском, едва слушая краем уха комплименты новичка; зато как быстро расцветало улыбкою лицо ее, когда подходил к ней адъютант с магическою буквою на эполетах, как приветливо протягивала она: ему руку свою, будто говоря: «Она ваша», поправляя другой длинные свои локоны и длинные свои перчатки, и доселе безмолвные уста ее изливали поток любезностей, подобно Самсонову фонтану в Петергофе, который брызжет только для важных посетителей. Вот и заботливая физиономия Полины У\*\*\*; она, кажется, только что покинула грифель, но не бросила своей выкладки вероятностей о производстве в чин того и того-то, ни оценки знатности родства и силы протекции того и того-то, ибо протекция в нашем веке стоит наследства. Взор ее не замечает ничего, кроме густых эполетов, кроме звезд, которые блещут ей созвездием брака, и дипломатических бакенбард, в которых fortuna сви-

ла себе гнездышко. У мужчин, имеющих за собою породу, или богатство, или чины, или перед собой виды и надежды, те же затеи, подобные же выборы. По виду их скорее заключить можно, что они в биржевой, а не в бальной зале. «Эта девушка прелестна, — думает один, — но отец ее молод, бо знает, сколько проживет он лет и денег. Эта умна и образованна, дядя ее на важном месте, но, говорят, он колеблется, — тут надобно подумать, то есть подождать. Вот эта, правда, не очень красива и очень недалеко, зато как одушевлена! чертовски одушевлена тремя тысячами душ, из которых ни одна не тает в ломбарде или двадцатилетнем банке, как большая часть наших приданых. Я невольник ее!» И вот наш искатель, подсев сперва к матушке ее, со вниманием слушает вздоры, — старая, но всегда удачная дипломатика, — потом рассыпается в приветствиях дочери, танцуя, делает влюбленные глазки и облизывается, считая в мыслях ее червонцы.

Бал уже склонялся к концу и многие из корифеев моды, зевая в гостиной на просторе, клялись, что он чрезвычайно весел, как вдруг шум и восклицания: «Маски, маски!» привлек всех беглецов в залу танцев. В самом деле, два блестящих кадрили, один в испанском, другой в венгерском костюмах, заслуживали внимание, равно по богатству, по вкусу уборов и по стройности замаскированных. Обежав кругом залу, каждый из них бросил по загадке знакомым и незнакомым, возбуждая следом спор уверяющих, что это он или не он. Хозяин, радуясь, что случай дал разнообразие его ба-

лу, пригласил замаскированных к танцам. Мазурка загремела, и венгерцы, попросив четырех Дам сделать им честь украсить кадрили их, выиграли одобрение ото всех окружающих ловкостью и развязностью движений, новостью и благородством фигур. Наконец послышалась одушевленная живая музыка французского кадрили, и одна из масок, принадлежавшая, казалось, к толпе тех, которые воображают, что они всё сделали для общества, если надели на себя пышный костюм, маска, безмолвно доселе стоявшая у стены, гордо завернувшись в бархатную, расшитую золотом епанчу, вдруг сбросила с себя ее на пол и легкою стопой приблизилась к графине Звездич, окруженной вздыхателями.

– Дозволит ли графиня незнакомцу иметь счастье танцевать с нею? – произнес испанец почтительно, прижав к груди берет свой, украшенный перьями и бриллиантами.

– Очень охотно, прекрасная маска, – вставая, отвечала графиня. – Новые знакомства нередко избавляют нас от скуки старых, и в этом отношении я уже вам обязана, – прибавила она, лукаво поглядывая на оставленную группу. – Впрочем, быть может, мы не совсем незнакомы друг другу?

– Я здесь чужестранец, графиня. Да если бы и не был им, все нашелся бы в большом замешательстве, боясь попасть в категорию старого знакомства и не имея дарований оправдать нового.

Алина вздрогнула от звука голоса и какого-то нежно-укорительного тона испанца.

– Вы обвиняете меня слишком поспешно, распространяя на всех слова, сказанные шутя, – отвечала она, – но полностью скрытничать: мне кажется, я могу подсказать вам имя ваше, – продолжала она, стараясь заглянуть под полумаску.

– Я не знал, что графиня в тысяче прелестей и добрых качеств имеет дар ясновидения... Я очень сомневаюсь, чтобы мое имя могло быть напечатано на золотом листе месяца: но во всяком случае позвольте избавить вас от усталости пронести его, – я называюсь дон Алонзо де Гверера е Молина е Фуэнтес е Риэго е Колибрадос...

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.